

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

А.И. СОЛОВЬЁВ

Политический облик постсовременности: очевидность явления*

Рубеж тысячелетий ознаменован крупными подвижками во взаимоотношениях человека и власти, появлением новых конфигураций межгосударственных отношений, существенными трансформациями картины мира, выдвижением на историческую авансцену информационных технологий, Многие интеллектуалы усматривают в этих общественных мутациях признак наступления качественно новой эпохи. Но наряду с этими приверженцами постмодернистской трактовки грядущего ряд ученых более скептически оценивают данные изменения, видя в них не более чем специфическое развитие базовых черт индустриального строя или, в лучшем случае, этакую форму "радикализованного модерна" (Э. Гидденс), лишь обновляющую основные и привычные механизмы общественных изменений, что, как выразился У. Бек, разрушает миф о том, будто "развитое индустриальное общество" является "вершиной модерна" [Бек, 2000, с. 12]. Еще более критическую позицию по отношению к постмодернистской трактовке занимают С. Коннор, Б. Смарт, Е. Гелнер, а из отечественных ученых М. Ильин, В. Иноземцев и некоторые другие исследователи, полагающие, что теория постмодернизма в принципе "неспособна описать социальные движения нашего времени", а за попытками ее оживления явно просматривается "дорога безудержной социальной демагогии" и "жонглирования понятиями" [Иноземцев, 1998, с. 34].

Конечно, современникам всегда трудно оценить характер идущих изменений, увидеть их подлинный социальный резонанс и значение. Хотя - и это исторический факт - люди всегда, порой за столетия, мысленно предугадывали крупные социальные изменения. Причем едва ли не каждый раз в качестве таких провозвестников выступали литература и изобразительное искусство, т.е. те формы рефлексии, которые и в XX веке первыми предупредили мир о приближении постмодернистской эпохи. Но в любом случае осмысление современности как насущной "жизненной и культурной проблемы" [Капустин, 2000, с. 15] видится как в выявлении признаков качественно новой эпохи, так и в обнаружении в уже сложившемся социальном

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект М« 01-03-00077).

материале ограничений того или иного исторического времени. Для этого необходимо высветить общую мегалогикку общественных преобразований. Однако такой путь нуждается в более широком (и пока еще отсутствующем) эмпирическом наполнении анализа и в еще большей степени определяется выбранной исследователями исходной парадигматикой, что изначально сталкивает оппонирующие друг другу подходы. Куда продуктивнее, на наш взгляд, постараться адекватно оценить изменения, идущие в конкретных сферах социума, обращая внимание на трансформации их базовых параметров, структуры и морфологии. Думается, что политика, являющаяся той областью социальности, которая наиболее чутко реагирует на происходящие в мире изменения, как раз и способна продемонстрировать подлинное качество трансформаций современности.

Источники трансформации политического пространства

При всей многоаспектности содержания политики и, соответственно, множественности трактовок, бесспорным является тот факт, что ее историческое возникновение (вызванное бессилием протоморали, традиций, религиозных убеждений и иных аналогичных способов регулирования межгрупповых отношений) состоялось как утверждение особого типа управления общественными конфликтами на основе использования силы и способностей государства к принуждению. При этом на каждом крупном историческом этапе общественной эволюции политика неизменно перестраивала композицию властных институтов, совершенствовала формы и механизмы публичного принятия решений, способы укрепления легитимности и обеспечения стабильности власти, проявляя тем самым свои определенные свойства и качества.

Сегодня же, как показывает практика экономически развитых западных демократических стран, там идет существеннейшая трансформация самих механизмов формирования поля политики, базовых технологий поддержания стабильности и организации диалога государства и общества. В конечном счете такие превращения политики опираются на: качественные сдвиги в рыночных отношениях и изменение роли живого труда в структуре производства; безусловное лидерство информационных ресурсов и интенсивно формирующиеся сетевые структуры мирового сообщества; укрепление социальных норм и стандартов, вызванных к жизни благотворным влиянием на жизнь многих поколений правового и социального государства; набирающую исторический темп глобализацию и транснационализацию международных отношений, а также ряд иных, сравнимых с ними по значимости социальных тенденций.

Если укрупнить собственно политические последствия данных изменений, то прежде всего следует отметить выдвижение на арену власти *массового* социального субъекта. Его появление на политической арене было подготовлено всем процессом эволюции индустриализма и логически завершило вызревший в течение трех столетий двусторонний процесс: последовательного втягивания в отношения с властью крупных слоев гражданского населения (третьего сословия), а также изменений в социальной стратификации общества, приведших к доминирующему положению среднего класса. Массовизация населения как источника и субъекта политической власти отмечалась еще в середине XX века. Правда, Д. Белл, А. Арон, Х. Ортега-и-Гассет и другие мыслители, сигнализировавшие обществу о "приходе масс" и грядущих трансформациях, в основном полагали, что они были связаны с экспансией общественности против правящего слоя, перехватом элитарных функций, исчезновением идеологии и некоторыми иными последствиями. Однако, как показывает сегодняшнее время, самое существенное изменение логики взаимоотношений властвующих и подвластных, произошедшее под влиянием массовизации населения как политического субъекта, состоит в качественном видоизменении преобладавшей прежде межгрупповой конкуренции за власть (где главными действующими лицами были "атакующие" государство классы, этносы, социальные, демографические,

территориальные или иные общественные страты) и системы представительства гражданских интересов.

В процессе социальных трансформаций механизмы групповой идентификации и соответствующего включения граждан во властные отношения сменились на структуры и способы политического участия, задаваемые внутренне неконсолидированным, релятивным, постоянно испытывающим дефицит интегративности субъектом. По сути, этот слабо структурированный, постоянно мутирующий субъект заместил групповые приоритеты граждан разнообразными предпочтениями массовой культуры, предопределив преобладание ценностных (в том числе и постматериальных) ориентации человека над его рационально понятыми коллективными интересами. Таким образом, политическая идентификация стала осуществляться по преимуществу на основе интерпретации человеком культурных текстов, чьи образы, знаки и символы не обладали никакими смысловыми ограничениями, кроме индивидуальных (и одновременно ситуативных) прочтений индивидом своих потребностей и причин обращения к власти. В конечном счете такая культурная подоплека политической игры и создала на политическом рынке атмосферу господства "неиерархических, релятивистских ценностей - индивидуальной свободы, терпимости, плюрализма, недоверия к идеологиям и утопиям" [Политическая... 1996, с. 77].

Обозревая эту тенденцию с несколько иной точки зрения, можно видеть, что культурно ориентирующийся в политике (и одновременно в обществе постдефицитной экономики) человек становится, по мысли С. Даннелса, неким специфическим продуктом развития свободы. И руководствуясь гедонистическими (и даже космополитическими) ценностями и испытывая дефицит ответственности перед другими индивидами, он стремится еще больше устранить социальные ограничения, вводимые для него как обществом, так и государством. Как справедливо отмечает в этой связи В. Красильщиков, в русле формирования этого нового контракта человека с властью осуществляется переход "от внешней детерминации жизнедеятельности человека и структурированных общественных отношений к самодетерминации" и формированию в поле политики отношений "свободной индивидуальности" [Красильщиков, 1997, с. 105].

В конечном счете можно видеть, что приобретшие политикоориентационный статус культурные смыслы и ценности индивидуальной самопрезентации человека стали активно разрушать связь его властных притязаний с социальным положением в обществе. Причем со временем такая тенденция усиливается. И это не случайно, ибо только культура может создавать у человека механизмы преодоления "информационной травмы" [Эпштейн, 1999], предопределяющей (в силу неспособности отдельного индивида осмысленно воспринимать все возрастающий поток сведений) неадекватное соотношение личных целей с информационно расширяющимся социальным пространством. Впрочем, и без признания этой тенденции совершенно очевидно, что культурная плюрализация общества по сути разрушила системно-групповые связи социальной и политической сфер общества. Таким образом, социальная основа власти стала постепенно трансформироваться в агрегат отдельных, пусть и культурно самодостаточных, но все же (по сравнению с прошлым историческим периодом) весьма изолированных единиц. А потому и политика стала превращаться в форму *социальной реакции власти на трансформации в собственно культурной сфере общества.*

Но такого рода изменения качественно меняют механизмы включения индивида в политическую сферу. Ибо человек, воспринимающий как должное компетентный и демократический стиль деятельности правящих кругов, привыкший к использованию институтов прямой демократии и вообще живущий в рамках свободного и открытого общества, неминуемо формирует все более высокие, а главное - персональные требования к государству. Так что жизненные Я-программы граждан, оказавшись вполне самодостаточными и для выработки осмысленных ориентации и отношений с политической властью, потребовали опоры на иные нормы.

В контексте такого переосмысления индивидом роли политики государство, сохранив свое значение символа политической власти, постепенно перестало рассматриваться им как сущностно необходимый элемент жизненной системы, влияющий на достижение его лично значимых целей. Более того, государственная власть начала восприниматься индивидом уже не как беспристрастный арбитр, символ законного и анонимного принуждения, как некий институт, от которого зависит его жизнь, а как, если и не равнозначный, то все-таки партнер, утративший налет святости или пугающей человека силы. Таким образом, права государства оказались внутренне уравненными человеком со своими политическими правами. Неудивительно, что в таком контексте регулятивные способности государства стали восприниматься людьми уже как факт личной жизни, символизирующий стороннюю и обременительную для своих жизненных целей силу.

Характерно, что и государство также отреагировало на резкое возрастание к себе индивидуальных требований граждан. Его исторические ответы (понятно, что в высокоразвитых демократических странах) стали сочетаться с действиями по децентрализации институционального контроля и постепенному превращению государственных структур в "правительство приватной сферы" [Бек, с. 343], реформированию всей системы государственного управления в направлении развития "государственного" и "нового публичного менеджмента" [Jessop, 2000], повышающего права гражданина как клиента государства (и приведшего, в частности, к распространению бизнес-методов в системе государственного управления и другим, ориентированным на человека, изменениям в стиле деятельности институтов власти).

Параллельно с этими тенденциями стали заметны и другие существенные изменения. В частности, в политической жизни из сферы внимания как власти, так и общества стали выпадать целые проблемные блоки, которые традиционно инициировали массовую политику: права человека, защита личности от необоснованного государственного вмешательства, обеспечение необходимых для жизни социально-экономических стандартов и т.д. Иными словами, постепенно деполитизировались те вопросы, которые исторически спровоцировали приход в политику третьего сословия. Изменение этой традиционной для индустриализма "повестки дня" (в сочетании с повышением компетентности правящих слоев) привели к стремительному нарастанию явлений конформизма (как добровольно занятой политической позиции граждан), массовому "демократическому потребительству" и другим аналогичным фактам, возвещающим о качественном ослаблении заинтересованности граждан в политическом участии и вообще использовании ими политических механизмов для реализации своих индивидуальных интересов. В силу этого политика стала неумолимо сокращать свое присутствие в отношениях власти и общества.

Характерно, что индивидуализацию отношений граждан с правительством и массовую деполитизацию социальной жизни не поколебали даже определенные контртенденции, напротив, побуждающие расширение использования политических механизмов. В частности, нарастающий экологический кризис, повышение ядерных и террористических угроз и т.д. резко ослабили механизмы контроля и формализации массового поведения и в конечном счете усилили предпосылки дестабилизации и нарастания социальной энтропии. В результате риски стали имманентной чертой функционирования любых политических отношений, а венчурность политики свойством, едва ли не определяющим ее нынешний социальный облик. В результате рациональная организация властных отношений превратилась в довольно серьезную проблему для "лидирующих" обществ.

Рациональность формирования поля политики, т.е. та картезианская "субъективная разумность", которая лежала в основании достижения межгрупповых компромиссов и налаживания консенсуса, задавала нормы общественной интеграции и устанавливала единые критерии шкалирования групповых ценностей, стала элиминироваться из политического пространства. Эта веками предопределяющая "правила для руководства ума" система оценивания стала замещаться не просто более сложной,

а в принципе *другой* системой диагностики и креации действительности, построенной на более человеческих (в смысле - произвольных, предвзятых, непрогнозируемых, идущих не от ролевых, а от глубинных свойств человеческой природы) критериях оценки и проектирования политической реальности.

Однако такая сориентированная на человеческие измерители и в целом угрожающая единству общества тенденция в известной степени оказалась уравновешенной ростом компетентности государственного управления и усилением роли экспертно-консультативных услуг в системе принятия решений. В этом смысле безусловной трансформации в постиндустриальных условиях подверглась и стилистика осуществления элитами своих управленческих функций. В частности, тенденции к децентрализации и деконцентрации властных функций верхов обусловили нарастание полицентрических форм администрирования, уплощение пирамидальной структуры управления и перераспределение форм ответственности в линейных структурах государства. Весьма знаменательным явлением стала и тенденция к деbüroкратизации аппарата управления, переходу государственного управления на стандарты и нормы политического менеджмента, соответствующего принципам успешно развивающихся коммерческих структур, а также сближение норм и подходов собственно политического руководства и экономического макроуправления.

Конечно, под покровом этих трансформаций выявляется нарастание самодостаточности правящей элиты, усиление ее самокооперации, закрытости от общества. В ряде случаев такое положение отражает не столько профессионализацию управления и минимизацию возможностей для неквалифицированных форм вмешательства в процесс принятия решений, сколько нарастание узкогрупповых, корыстных ориентиров в их деятельности. Однако демократический опыт западных государств выявляет серьезные контраргументы против подобного рода тенденций (усиление начал самоорганизации, традиции политической активности и контроля за правящими кругами и т.д.).

Исторические трансформации идеальной сферы политики

Для понимания идущих в политическом пространстве изменений следует особо подчеркнуть и значение трансформаций в *информационной* (духовной, идеальной, субъективной) вертикали политики, устанавливающей коммуникацию элитарных и неэлитарных слоев и выступающую базисным элементом организации всей системы политической власти¹. Так, с одной стороны, в отличие от того периода, когда символизация образов политики осуществлялась, как правило, на основе групповых (надличностных) способов идеализации реальности, в частности на основе доминиру-

¹ Строго говоря, фундаментальный характер информационных связей состоит в необходимости оценивания общественных событий, позволяющего придавать последним собственно политическое значение. Как писал М. Вебер, «всякое качество явления, позволяющее считать его "социально-экономическим" (а равно и "политическим". - Л.С.), не есть нечто присущее ему как таковому объективно. Оно обусловлено направленностью нашего познавательного интереса, формирующегося в рамках... культурного значения, которое мы придаем тому или иному событию в каждом отдельном случае» [Вебер, 1990, с. 360]. Иными словами, *субъективное* измерение, шкалирование субъектом тех или иных событий в рамках выбранных им координат и позиций по сути является механизмом формирования *политического факта* как такового. И именно через приписывание данному явлению качественной оценки, свидетельствующей о признании за ним того социального масштаба, который заставляет человека включаться в отношения с государственной властью с целью его урегулирования, и образуется его собственно политическое значение.

Такой способ продуцирования политических актов, ставящий акции и интеракции верхов и низов в сфере государственной власти в генетическую зависимость от способов и систем оценивания конкретных событий, и характеризует политику как *артефакт*, т.е. тот макросоциальный феномен, который по природе своей формируется в процессе креации мысли, продуцирования и перемещения явлений сознания в практическую плоскость. В свою очередь, это раскрывает политику как систему социальных отношений, существование которых предполагает наличие институтов, механизмов и процедур, созданных специально для формирования и практического воплощения ценностей, идеалов, норм, суждений лидеров, трансляции настроений и иных феноменов сознания.

вания мифологических, религиозных и идеологических матриц [Соловьев, 2001], сегодня (в силу уже описанных тенденций) шкалирование социальных явлений все в большей степени начинает происходить на основе личностных, индивидуализированных оценок политики. А такие факты демонстрируют, что каждый политический актор начинает по-своему наделять смыслом действия властвующих и подвластных или отношения между ними, ставить под сомнение принципы формирования институциональной и нормативной среды применения государственной власти.

По сути мы являемся современниками того этапа развития, когда идеологии, стимулировавшие утверждение групповых ценностей стабилизации, авторитета, порядка, национальных идеалов, прогресса и других основополагающих ориентиров политической игры, вытесняются на периферию политической диагностики. Будучи неразрывно связанными с национальными, классовыми и иными корпоративными интересами, идеологические концепты поначалу символизировали острую конкуренцию групповых картин политического мировосприятия (обусловив тем самым расцвет классовой неприязни и ненависти, ксенофобии, этногегемонизма и других явлений, сопутствующих закреплению во власти коллективных приоритетов), а впоследствии обеспечили и их известное примирение (в рамках политики централизма). Однако теперь в условиях массовизации общества их когнитивные и иные возможности оказываются чрезмерными и нефункциональными для того, чтобы служить смысловой ориентации граждан в политике, транслировать их интересы, способствовать балансу отношений элитарных и неэлитарных группировок.

Отчуждение идеологии прежде всего детерминируется ее ригидностью, концептуальной жесткостью, неспособностью к обеспечению эффективной связи верхов и низов в условиях нарастающей динамики социальных и политических взаимосвязей, возрастания роли культуры в механизмах обеспечения целостности общества. Идеология оказывается слишком неприспособленной для сплочения в единых политических формах культурного многообразия уходящего от индустриализма общества. Для внутренне релятивного массового субъекта, подверженного инокультурным искушениям, доктринальность этой формы отношения к власти стала обременительной и неэффективной. Идеология просто не выживает в нынешнем "культурном хаосе" политики.

Реалии индустриально развитых государств, создав в политическом пространстве множество индивидуальных (микрогрупповых) ориентационных кодов, во многом уже перестали претендовать на их объединении метакодами. Нелогичность, двусмысленность, оправдание одновременного сосуществования конфликтующих политических версий в отображении жизни, спонтанность эмоциональной реакции людей на действия властей (впрочем, как и на свои собственные) стали неотъемлемыми спутниками человеческого мировосприятия политики. Доминирующие принципы отношения к политической реальности стали задавать культурные образцы, символизирующие коллажное восприятие всех проявлений власти, пародическое сопоставление человеком разных политических текстов и смыслов, ироничную реакцию на происходящие события. Для тех же, кто оказался наиболее подверженным воздействию виртуальных способов общения, ориентиром становится нормативистика культуры плагги (англ. *plug* - закупоривать), т.е. "культуры одиночек", еще более усиливающей отключение человека от общения с властью, партнерами и вообще - другими (не-Я) в политике [Землянова, 1998]. По понятным причинам именно такие способы коммуникации становятся серьезнейшим вызовом для объединительной миссии политики.

Неизбежное усечение ценностно-ориентирующей и идеально-конструирующей функций идеологии, а также сужение пространства для ее политического существования, позволяют говорить о том, что она подвергается исторической маргинализации. Ее попытки сохранить некоторые ниши еще могут иметь некоторые шансы на успех, особенно в связи с активизацией крупных социальных (национальных) групп или помощи государства. Но и в этих случаях идеологии необходимо заново кодировать себя как духовную силу, способную продуцировать нормативно-символические

формы, создавать конкурентную систему коммуникации. Но и любом случае использование политическими акторами идеологических конструкций в их прежнем качестве неизбежно (уже сегодня) приближает их к своим пределам влияния на власть и общественное мнение.

Попутно отметим, что маргинализация идеологии вытесняет политическую арену и идеологов, профессионально занимающихся смысловой интерпретацией событий. Отсутствие потребностей в выявлении групповых предпочтений при формировании дискурса власти с массами лишает былого значения деятельность идеологов и даже той части интеллектуалов, гуманитарной интеллигенции, которая отчасти соприкасалась с ними в плане оправдания или отрицания тех или иных моделей организации политических порядков. Их рефлексивные функции в поле постмодернистской политики превращаются в милые чудачества, "игру в бисер", умничанье, разновидность внецелевого времяпрепровождения.

На место же "высоколобов" приходят технологи, аналитики, специалисты в области политической рекламистики, или (как их определил в более широком контексте венгерский ученый А. Силади) *когнитариусы*, т.е. те, кто технически формирует и поддерживает коммуникацию населения с властью [Силади, 1995]. Так что если ранее идеологи были тем слоем, который по сути монополизировал функцию оценивания, придания политических значений социальным событиям, то теперь этот институт в прежней своей функции уже не работает. А их функции переходят к рядовым аналитикам, элитам и даже рядовым гражданам.

Уходящие в прошлое претензии идеологов на расколдовывание смысла власти и политического развития общества заменяются установками на *оперативные* политические коммуникации государства и общества. Отказываясь от услуг идеологии, люди обращаются к разнообразным культурным ориентирам, ценностям, стереотипам, стандартам, а то и просто к привычкам деятельности, которые они пытаются имплантировать в сферу политики. Такой массовый трансцензус (перенос) людьми своих общесоциальных ориентации в политическую сферу порождает исключительную сложность, пестроту мотиваций, форм участия, а, следовательно, и способов разрешения конфликтов, обеспечения конкуренции и иных измерений поля политики. Люди, руководствующиеся индивидуальной логикой запросов к власти, вполне удовлетворяются не доктринальными схемами действительности, объясняющими жизнь и прочерчивающими ее перспективу, а информацией о реакциях, оценках власти или действий тех или иных сил. Их влечет не борьба с враждебными идеями, проясняющими политическую конфигурацию сил, а сведения, позволяющие приспособляться к позициям властей в целях удовлетворения своих индивидуальных запросов. Информация, дающая возможность приспособиться к такой динамике позиций, становится гораздо привлекательнее, чем доктринальное объяснение *всей* панорамы событий. И не случайно, как справедливо отмечает Н. Кобзев, в таких условиях "наибольший интерес вызывает не обмен мыслями... а информацией, что легче мышления, проще, доступней, привлекательней" (цит. по [Брудный, 1975, с. 84]). Так что индивид в политической среде действует не столько как идейно сориентированный, сколько как "информационно заряженный человек" (К. Хефнер).

Показательно, что такая переориентация с идеологических на информативные сообщения обусловлена и чисто экономически. Информация о действиях властей становится востребованнее еще и потому, что ее стоимость значительно ниже, чем у идеологии. Иными словами, необходимый власти и гражданину эффект политического взаимодействия достигается за счет малой цены необходимых для такого контакта сообщений (например, распространение компромата на лидера той или иной партии позволяет добиться включения избирателя в голосование быстрее, чем разъяснение программных положений). Это обусловило и широкое распространение соответствующих технологий, например скандалов, утечек информации и других техник, рассчитанных на привлечение и завладение вниманием населения, изменение его настроений, поддерживающих требуемую политическую коммутиацию.

Нельзя сказать, что в круг политических задач уже не входит никакая прогностика, постановка широких, опережающих действительность целей. Вся эта гипотетика обретает более инструментальный и прикладной характер, смещаясь при этом в очень узкую сферу стратегического планирования, связанную с функциями ограниченного круга деятелей в правящей элите. Основным же назначением политических когнитивных является качественная диагностика актуальных событий и поддержание текущего диалога власти и общества. При этом следует признать, что, казалось бы, внешнее сужение интеллектуальных функций политических технологов на деле является условием повышения их активности в деле удовлетворения информационных запросов как населения, так и власти.

В рассматриваемом аспекте нельзя не отметить также и то, что формирование новых структур и механизмов, способных обеспечить информационные связи элит и неэлит, непременно зависит еще от ряда факторов, и прежде всего от появляющейся у массы самостоятельной способности к производству политической значимой информации. Ведь в складывающихся сегодня условиях масса становится не только получателем политической информации, ее потребителем и интерпретатором, но и ее творцом. Массовые образы, мнения, настроения в демократическом пространстве становятся величиной, которую не только невозможно игнорировать при осуществлении власти, но и наличие которой (учитывая присущие этой среде эффекты самозаражения, резонанса, тиражирования стандартов, самомистификации и проч.) провоцирует качественное видоизменение способов и форм контроля за поведением неэлитарных слоев со стороны правящих кругов.

При таком умножении социальных источников информационного пространства элита уже не может претендовать на уникальность своих идейных продуктов, которые традиционно были основой информационных связей с низами. Таким образом, и она вынуждена прибегать к новым способам управления общественным мнением. Поэтому смысловые контакты элит и неэлит, выстраивание значимой для функционирования власти информационной вертикали начинают складываться в процессе не простого столкновения целенаправленных потоков сообщений и знаний, но и с учетом особого *характера* распространения информации именно в массовом субъекте. Существующая же в этом случае возможность дискommunikации между верхами и низами, цели сохранения должной для государства степени эффективного управления предполагают поиск соответствующих методов компенсации этих новых тенденций.

Последние же неразрывно связаны с выходом на политическую авансцену *технотелемедиумов*, т.е. новых электронных способов передачи информации, способствующих возникновению в политическом пространстве гиперпейса (позволяющего актерам осуществлять контакты в четырех и более измерениях), появлению разнообразных социальных эффектов (например, имплозии, т.е. внутреннего взрыва информации, при котором человек, раздвинув границы физического времени, получает возможность совмещать при отображении реальности события, находящиеся в различных временных измерениях), установлению киберсвязей и отношений (например, теледемократии), в свою очередь предполагающих и соответствующие организационные изменения в сфере власти. Именно *технотелемедиумы*, став, с одной стороны, наиболее адекватным партнером масс в отношениях с властью, с другой, предопределили и принципиальные изменения в характере политического коммуницирования, институциональном дизайне поля политики, стилистике властвования.

Политическая рекламистика в пространстве власти

Взаимодействуя с ориентированным на культурные ценности массовым контрагентом, электронные СМИ за весьма непродолжительное время создали в масштабах общества динамичную и гибко адаптирующуюся систему политической коммуникации. Практический опыт показал их способность поддерживать осмысленные информационные контакты элит и неэлит, создавать такие каналы коммуници-

рования, которые были основаны, с одной стороны, на подвижных (но тем не менее объединяющих рядовых граждан) политических чувствах, а с другой - удовлетворяли потребности правящих кругов в исполнении функций по руководству общественным развитием и сплочению населения. В конечном счете *технотелемедиумам* удалось институализировать новую информационную вертикаль в отношениях верхов и низов, вполне соответствующую задачам поддержания стабильности в обществе.

Однако в сложившемся положении задача используемых политическими акторами (и прежде всего государством) средств коммуникации стала прежде всего сводиться к повышению степени общительности масс, ее "разогреву" до участия в политике. Причем основанием для такой поддержки мог стать только конкретный политический проект, затрагивающий те или иные индивидуальные интересы граждан. Поэтому, предлагая вместо идейных критериев оценки событий привязанные к реальному контексту *информационные поводы* (значимые для индивида и способные инициировать его обращение к власти), на политическую арену стали выходить подвижные, рыночные способы организации дискурса и прежде всего - *политическая реклама-мистика* (представляющая собой систему маркетинговых принципов, норм и технологий обращения информации, использующихся при обеспечении всех контактов коммуникатора и реципиента в политическом пространстве). Только методики данного типа (включающие инструментарий рекламы, информационного лоббизма PR и др.), руководствующиеся задачей наиболее быстрого и точного удовлетворения потребностей масс во властно значимой информации, стали способны поддерживать спорадический характер использования людьми механизмов политики для защиты своих интересов. В этом смысле нынешнее время наиболее ярко выявило ту сокровенную суть политики, о которой догадывались еще на стадиях среднеразвитого модерна. Как прозорливо писал еще Й. Шумпетер (правда, применительно только к отдельным институтам), "психотехника управления партией, ее рекламная кампания, лозунги и марши - это все не украшения, это и есть суть политики" [Шумпетер, 1995, с. 348].

Высокий темп обращения информации, затрудняющий ее превращение в смыслозначимые социальные реакции индивида, обусловил и появление особой формы организации релятивных политических целей - *имиджа*. Именно последний способен сегодня выполнять сигнальную функцию для верхов и низов, аттестуя в глазах населения политику властей в той мере, в какой это необходимо людям для прояснения собственных задач, адаптации к существующим порядкам, реализации собственных намерений. Однако, попадая в ретинальные (т.е. массовые, рассчитанные на всех и сразу) каналы информирования, имидж тем не менее ориентирован на отклик только известных слоев населения, которые, коммуницируя с властью, и выступают социальной основой принятия оперативного политического решения, способного сохранить требуемый властный баланс. Выхолащивая (в традиционном понимании) идейность из отношений элит и неэлит, имидж обеспечивает непосредственность эмоционального восприятия человеком мира политики, сохраняя при этом диалогичность связей верхов и низов, предпосылки легитимации и стабилизации политических отношений.

Будучи способом оформления смысловых контактов, имидж в равной мере обладает как должной подвижностью, ориентированностью на живого человека, так и той креативностью, которая позволяет выстраивать необходимые власти реакции массы, а следовательно, и соответствующие политические отношения и институты. Таким образом, он в равной степени становится как средством медиалегитимации власти (со стороны общества), так и органическим элементом медиапопулизма (со стороны властей).

Коротко говоря, имиджевые способы организации политических дискурсов являются выражением нового уровня обеспечения самостоятельности индивидов в поле власти. Они усиливают свободу выбора человеком своей позиции и одновременно эффективность отбора им политических альтернатив. Имидж не програм-

мирует, а ориентирует политический выбор человека. Он по сути своей сосредоточен не на выражении групповых интересов, доктринальной проблематизации социальных конфликтов, а на обеспечении свободного выбора человека и предоставлении ему для этого соответствующей информации, аргументов, склоняющих его к поддержке той или иной альтернативы в реализации конкретного политического проекта.

Характерно и показательно, что у имиджевых техник коммуницирования устанавливается свой язык общения власти с населением - легкий и тривиальный, но зато привлекательный (в силу обязательного дополнения элементами развлечения) и способный к распространению через электронные СМИ. Причем такая тесная - смысловая и техническая - связь имиджа и технотелемедиумов ведет к тому, что политические сообщества начинают формироваться уже сугубо технологическим способом, подрывая тем самым не только идейные, но и нередко смысловые очертания отношений населения к власти. Не случайно ряд ученых считает, что именно через техники коммуницирования достигается единство все более усложняющегося общества (Л. Фестингер).

Способность имиджевых стратегий к медиапрезентации политического товара неразрывно связана с формированием гиперреальности, включающей тиражирование и виртуализацию как реально произошедших, так и искусственно сконструированных событий. Если вспомнить рассуждения Ж. Бодрийера о том, что отсутствие расхождений между имиджем и реальностью (т.е. их онтологическое родство) формирует декоративные образы реальности (симулякры), можно констатировать, что в политике вне имиджа первичная реальность просто *не складывается*. Таким образом, человек оценивает политическое событие через заложенную в имидже позицию коммуникатора, т.е. другой, заранее сформированный политический текст, транслирующий иное отношение к власти, но в сочетании с которым и проявляется его собственная позиция.

Но такой присущий имиджу механизм *двойного кодирования* реальности предполагает, что субъективные репрезентации *начинают замещать* действительность. По этой причине реальность и видимость в имидже полностью идентифицируются. Кажимость, вольные интерпретации всего и вся занимают политическое пространство, а реальное время в политике ставится в зависимость от рекламного времени, в котором определяется спрос и предложение на политический товар. Показательно, однако, что при всей своей конъюнктурности такой способ стабилизации режима устойчиво активизирует механизмы обратной связи в политических процессах и, устраняя приоритеты линейных связей верхов и низов, способствует развитию диалоговых отношений населения и власти.

В то же время избирательность имиджевых стратегий предполагает исключительную чувствительность власти к малейшим флуктуациям в поле политики, включающим возникновение разнообразных идей, настроений и состояний массового сознания. Происходящий на этой основе интенсивный, хоть и несколько поверхностный, сопряженный с фильтрацией информации обмен сообщениями между верхами и низами придает должную динамику политическим институтам, позволяя им "отвечать" на социальные вызовы. При таком типе политической реакции на запросы масс, накопление властных инфоресурсов происходит быстрее, чем тратится ранее накопленная ресурсная база. Так что обмен сообщениями между массой населения и властью при посредничестве технотелемедиумов оказывается (если пока еще и не единственно возможным) значительно более эффективным, нежели формирование и согласование групповых воль, положенных в основание государственных решений.

Понятно, что построенная на имиджевой презентации интересов медиакоммуникация власти с обществом резко усиливает роль технологий, направленных на сознательное конструирование, искусственное выстраивание политических действий и отношений. Если ранее - при индустриализме - нарастание конфликта, как показал К. Шмитт, являлось первейшим признаком использования политических ресурсов,

то в рамках постсовременной тенденции не только фазы, но и само *наличие* конфликта регулируется и, что самое главное, *конструируется* в массовом сознании каждый раз необходимым для осуществления власти образом. Информационные структуры получают возможность не только укрупнять видение тех или иных явлений или же усиливать их социальный эффект, но и тиражировать искусственно создаваемые имиджи, провоцировать и даже *сознательно конструировать* события, фазы и состояния конфликтов и кризисов, становящиеся объектом применения власти. Таким образом (по крайней мере в той части, которую еще можно характеризовать как публичное действо), политика начинает формироваться на основе создаваемых технотелемедиумами информационных поводов, которые не дают возможность отличить реально произошедшие и конструируемые явления (конфликты).

Так что имиджевые технологии, превращаясь в глубинный источник формирования политического сознания, начинают не просто замещать, но и *созидать* реальность, соответствующую потребностям как элитарных, так и неэлитарных групп. Вот почему, как справедливо подчеркивает Л. Землянова, "современные медиа не изображают реальность, а *создают* (курсив мой. - А.С.) ее" [Землянова]. А потому и зрелищная репрезентативность политики в значительной мере подчиняет себе иные ее аспекты и параметры.

Характерно, что такое режиссируемое формирование политических отношений неизбежно отражается и на характере отображения ключевых фигур власти в массовом сознании. Под влиянием виртуализации политического пространства трансформируются традиционные способы восприятия представителей элитарных групп, привычных фигур политической игры. Политики прежнего типа в глазах населения становятся фигурами не просто зависимыми от "телекартинки", символически отображающими потребности населения, но и вполне виртуальными существами, обладающими выстроенным обликом для контактов с общественностью. (В этом смысле зрители могут реально взаимодействовать с образом президента, находящегося совсем в другом месте и даже уже умершего.) Таким образом, элиты начинают исполнять для масс лишь функцию наивного олицетворения и символизации власти. В конечном счете происходит то "опрошение политиков" (А. Токвиль), при котором, как пишет Г. Дебор, политические события начинают представляться "звездами" (телеполитиками), которые "существуют, чтобы олицетворять типы разнообразных жизненных стилей и стилей понимания общества" [Дебор, 2000, с. 32, 41] и тем самым вовлекать граждан в отношения власти. Только звезды способны по большей части реализовать коммуникативный потенциал массы².

Немного повторимся, дабы подчеркнуть, что режиссируемое и направляемое через СМИ публичное зрелище и формируемые ими механизмы политического спектакля апеллируют к собственно культурным ориентирам масс. Посему и медиаполитика может развиваться только в культурном пространстве, где классовые и вообще групповые конфликты не вызывают у людей резких смысло-ориентационных противоречий. В этом плане показательно, что такая в известном смысле декоративная репрезентация властных отношений неминуемо создает и эффект *неполитического*, т.е. не идейного, а житейского, предельно плоского понимания политики, иницирует

² Отметим попутно, что такого рода трансформации массового восприятия политиков подкрепляются и иными тенденциями. И, в частности, тем, что на смену устойчивым элитарным формированиям в медиаполитическом пространстве "приходит гибкая и меняющая конфигурацию система временных элитных альянсов". Как пишет, в частности, М. Кастельс, "распределение политических ролей становится широким и подверженным ротации" и поэтому "не существует стабильных властных элит". Более привычными становятся "элиты от власти", "сформированные во время своего обычно краткого пребывания у власти, за время которого они используют преимущества своей привилегированной политической позиции для достижения более постоянного доступа к материальным ресурсам и социальным связям" [Кастельс, 2000, с. 511]. Так что усиление кратковременности властных статусов элиты только подкрепляет отстраненность восприятия гражданами правящих кругов.

отношение к ней как к представлению, ориентированному не на прояснение человеком своего гражданского статуса, а на его развлечение. Но такие даже не интеллектуальные, а бытовые формы отображения политики, хотя и не дают людям полного прояснения сути происходящих конфликтов, тем не менее вполне достаточны для их политической идентификации и выработки у них известной позиции по тому или иному вопросу.

Если же говорить в целом, то становится очевидным, что поскольку проблематизация интересов и тематизация людьми своих контактов с властью (ведущая в конечном счете к формированию "повестки дня" и побуждению деятельности государственных органов), а равно и креация политических отношений и связанных с ними имиджей политиков, в решающей степени задаются деятельностью СМИ (которые способны монополизировать право масс отвечать на вызовы времени), то и современная политика постепенно начинает приобретать черты, характеризующие ее как *медиаполитику*. Иными словами, политика приобретает черты медиакоммуникации, аттестующих ее в качестве более оперативного и одновременно частичного, эпизодического способа поддержания контактов верхов и низов в отношении определенных властно значимых проектов.

Политические прообразы грядущего

Итак, свидетельствуют ли описанные нами изменения политической материи о ее исторических трансформациях (и если "да", то о каких)? Выходят ли обозначенные выше тенденции за рамки модерна или их суммарный эффект не позволяет пока говорить об эпохальных подвижках?

Как нам представляется, наблюдаемые новообразования в поле политики пока еще не влекут устранения с социальной арены важнейших социальных функций этого регулятивного механизма. Политика как макрорегулятивная система по-прежнему направлена на поддержание баланса интересов власти и общества, устранение факторов, способных вызвать дезинтеграцию социума. Поэтому современные подвижки в формах и способах выполнения данной задачи пока еще не претерпели таких трансформаций, которые дали бы возможность провести различия между эпохами, фиксирующими *до-* и собственно *политическое* состояние общества.

Более того, ряд параметров публичной политики вообще не претерпел сколь-нибудь значительных изменений. Даже интенсивность информационного потока, существование гиперреальности и иные, уже освещенные нами новообразования политического пространства, не смогли уничтожить ни теневых механизмов согласования интересов, ни специфических способов внутриэлитарной конкуренции и влияния. Несмотря на возросшую информированность общественности о различных стадиях принятия решений, говорить о полной прозрачности этого процесса и его механизмов просто нет оснований. И все же в иных своих измерениях политика явно переходит через былые исторические границы.

Прежде всего очевидно, что она утрачивает статус *универсального* регулятора, каким была в индустриальном обществе. Деньги, законы, этические нормы, культурно-цивилизационные традиции значительно лучше соответствуют взаиморегулированию индивидуальных по сути отношений человека и власти, а посему и сохранению общественной стабильности. Государство "понижается в статусе", "множится в форме местных и региональных правительств, которые покрывают мир мозаикой своих проектов" и в результате наступает "эра локализации политики" как социального регулятора [Кастельс, с. 511]. Политика, "лишившись центра" [Бек, с. 342], дробится на разнообразные потоки отношений граждан и власти, поддерживающих те или иные конкретные, связанные с их интересами проекты. И данные разноречивые проекты только и могут поддерживать связи власти с "ускользающим из политики" человеком. Политика при всем желании не в состоянии уже охватить все социальное пространство, и потому при помощи ее механизмов верхи и низы способны решать лишь отдельные властно значимые проблемы.

С другой стороны, краткосрочность обращения людей к политическим механизмам демонстрирует принципиальную и все более обнажаемую связь политического регулирования с культурно-цивилизационными, антропологическими реакциями человека на социальные вызовы. Формы коммуницирования задаются не символами коллективной воли, доктринальным диагнозом и идеологическими оценками, а эмоциональными всплесками человеческой души, репликами культуры, являющими собой собственно людскую форму отношения и оценивания действительности. В силу этого характерные для национального типа личности способы взаимодействия с государством в конфликтных ситуациях могут лишь частично компенсироваться институциональной организацией и другими структурными факторами власти. Так что индивидуально-культурная детерминация участия, избегающая надличностных сверхценностей, трансформирует политику в более непосредственную для человека форму социальных связей и отношений.

Неразрывно и органически связанный с деятельностью телетехномедиумов такой способ формирования политических связей превращает *коммуникацию* государства с действующим по индивидуальной программе человеком из технически-связующего средства обеспечения контактов общества и государства в *суть и смысл* политики, предпосылку и цель сохранения политического порядка. Если использовать мысль Дж. Дьюи, то можно сказать, что коммуникация в политике становится не просто средством интеграции, условием информационных обменов власти и общества, а превращается в самую политику.

Формирующаяся на основе такой "людской" коммуникации медиаполитика становится историческим ответом на возрастание потоков сообщений (культурных текстов), с которыми люди не справляются, но и вне которых уже не может осуществляться их взаимодействие с властью. Прямые медиаконтакты элитарных и неэлитарных акторов сокращают прерогативы централизованного контроля и увеличивают возможности отдельного индивида в отношениях с властью. Более того, на основе этих информационных связей формируются сетевые структуры, узлы которых определяют возможности центров принятия решений в государстве. И все это превращает политику в область жизни с чрезвычайно высокой степенью опосредованности отношений власти и населения. Именно медиаформа взаимодействия государства и общества становится единственно эффективным способом приспособления власти к сверхинтенсивности социальной динамики.

В свою очередь медиакорни политической игры предполагают высокую креативность поведения власти, способность не только отвечать на вызовы времени, но и за счет возможности конструирования событий предвидеть и опережать определенные явления. В силу этого принципиально важно видеть, что под влиянием медиаотношений и технологий властвования неизбежно меняет свой характер и само государственное *принуждение*. С одной стороны, оно трансформируется в форму экспертного управления обществом, а с другой - в разновидность эпизодической коммуникации, основанной на политическом выборе человека. Иными словами, сегодня трансформируется именно то свойство политики, которое исторически *всегда* аттестовало ее социальный статус.

В соответствии с этими тенденциями качественной трансформации подвергается и *институциональный* дизайн поля политики. Поскольку наделение события достойным для его публичного существования в поле власти масштабом и резонансом определяется информационными структурами, действующими на поле власти, то и механизм включения граждан "во власть", установления их контактов с государством уже не предполагает былых процедур артикуляции и агрегирования, направленных на согласование интересов, формулировку проблем и иные технологии формирования групповой воли в секторе социальной активности. Традиционно доминировавшие в условиях модерна партийные институты (а вместе с ними и такие посредники в отношениях с властью, как общественные движения, профсоюзы,

группы давления и проч.) уступают свое место иным медиаторам, среди которых ведущее место занимают СМИ и группы информационного лоббизма, организующие политические реакции населения на вызовы власти. (Причем политическая безответственность СМИ крайне усложняет институциональную диверсификацию политики.) На основе деятельности электронных медиаторов и применяемых ими имиджевых стратегий происходит диверсификация массового субъекта в политическом пространстве. Относительно самостоятельные контрагенты государства, устанавливающие с ним коммутиацию в борьбе за ресурсы и статусы, формируются на основе восприятия и поддержки людьми соответствующих медиапроектов (в том числе и медиасимуляций), выступая как разнообразные мега-, мезо- или *микрополитические общности*.

Однако все факты трансформации политики из механизмов *стихийного* изменения общественных статусов граждан в форму сознательной креации социальных конфликтов, способ более профессионального, экспертного перераспределения ресурсов неразрывно связаны с сокращением ею своего *публичного* присутствия в общественной жизни. Принуждение, основанное на имиджевой коммуникации, усилении профессионализации сферы управления, сознательном конструировании и театрализации (карнавализации) властных конфликтов, ведет к превращению политики в разновидность *государственного сценариоменеджмента*, форму деятельности профессионалов, инсценирующих свои отношения с низами и выхолащивающих идейные ориентиры и смыслы взаимодействия населения с властью. Таким образом, государство, лишь эпизодически прибегая к политическим методам взаимодействия с обществом, оставляет публичное пространство для более интенсивного включения иных - экономических, правовых или нравственно-этических регуляторов социальных отношений.

Данные трансформации как в зоне ответственности элит, так и неэлит, свидетельствуют об окончании эры *публичной рефлексивной* политики. Той церемониальной по отношению к общественности политики, которая столетиями нарабатывала механизмы формирования гражданского общества и включения его мнения в систему политического оценивания и, как следствие, управления государством. Но вектор постсовременности, спровоцировавший медиацию и виртуализацию политики, показывает не только ненужность такого рода процедур, но и неспособность в изменившихся условиях методами идеологизированной и в этом смысле интеллектуальной диагностики поддерживать макросоциальный баланс политических отношений, стабильность массового политического поведения в обществе. И дело не в "оглулении" политики, а в чрезмерности и несоответствии времени тех процедур и технологий, которые предполагают совершенно иной, зачастую медлительный и несовместимый ни с постсовременной динамикой интересов ритм взаимодействия общества и государства, ни с качественно изменившимися потребностями человека в политических регуляторах.

Сравнивая исторические алгоритмы формирования ноля политики в условиях модерна с нынешней эпохой, вспомним, что все коммуникации власти и общества прежде формировались по следующей формуле: "группы - корпоративные интересы - идеологии - идеологи - идеологическая борьба - пропаганда - политические партии - гражданское общество/государственная власть". (Причем такое соотношение компонентов имело тенденцию к поддержанию постоянных политических связей населения и общества в рамках демократии.) В свою очередь, наступающее время обнажает иные зависимости и иные принципы взаимодействия власти и общества: "массы - массовая культура - культурные основания идентификации граждан - информационные поводы - рекламистика - когнитарии - политический сценариоменеджмент - электронные СМИ - массовое общество/государственная власть". И в данной ситуации политические контакты становятся более вариативными и осуществляются на основе спорадического взаимодействия элит и неэлит.

Так что если модерн породил тот тип политики, в которой групповой интерес предопределял поведенческую ориентацию субъекта в политической сфере, то пост-модерн, сделав производство мнений, имеющих общественно-политическую значимость уделом профессионалов и выстроив медиаоснования власти, кладет предел политическим порядкам, основанным на систематической выборности элиты и постоянной политической активности населения. И в данном смысле грядущая эпоха *кладет предел политической демократии*.

Обобщая выводы о характерных для нынешней эволюции политики тенденциях, можно сказать, что профессионально выстраиваемая медиакommunikация свидетельствует о переходе общества к новой исторической форме его синтеза с государством. По сути мы имеем дело с медиаполитической организацией власти в *массовом, вертикальном* обществе. И именно политика начинает *первой оформлять* становление массового общества и формы организации власти в этом социуме. При этом медиапринуждение становится элементом не столько силового, сколько проективного правления, средством воплощения консенсусной политической инженерии, а по содержанию - формой информационно-коммуникативного завоевания и управления массовым сознанием. Можно сказать, что создаваемая таким образом система организации отношений элит и неэлит отражает достижение политикой нового *уровня* своей исторической *транзитивности*.

Формирующиеся медиаполитические сети в силу своей принципиальной антигегемонистичности и нарастания индивидуализации технотелемедиумов превращают людей в граждан информационно доступного мира. Пройдя многовековой путь, политика трансформируется в медиаавление, задавая организации власти форму, которая может описываться уже как *инфократия*. В ее границах регулятивный потенциал и способы осуществления государственной власти генетически обусловлены характером коммуникации элитарных и неэлитарных слоев, а политическое участие последних в конечном счете инициируется культурными формами.

Таким образом, формирующаяся в группе передовых стран траектория постсовременности начинает *постепенно* превращать политику из универсального, тяготеющего к тотальности механизма распределения статусов и ресурсов, в *совокупность рассредоточенных, с высоким содержанием риска социальных потоков*, связывающих население и власть по поводу конкретных задач и целей (проектов). В национальном масштабе политика закрепляется на последних рубежах своего исторического существования, причем не всегда как доминирующая система диагностики, планирования (программирования) и согласования интересов. И при этом сама конкурентность взаимодействия политиков и институтов власти постепенно очеловечивается, превращаясь в *диалог людей*, измеряющих эти социальные связи не только ролевыми и прочими надличностными критериями, но и естественными для себя культурными смыслами.

Констатируя обретение политикой качественно иных форм организации власти, можно наблюдать, как она делает шаги к последним границам и своего исторического существования. Конечно, пройдут еще многие десятки лет, прежде чем замкнется исторический цикл, вызвавший к жизни механизмы политического регулирования социальных конфликтов. Но уже сегодня видны ясные очертания этого будущего, свидетельствующего об эпохальном ренессансе экономики и морали как более приемлемых для человека регуляторов социальных отношений. Качественно изменившиеся принципы построения и функционирования политики свидетельствуют о наступлении новой эпохи, прочерчивающей вектор развития *от* индустриализма, демократии, гражданского общества *к* иным формам организации жизни массового общества. И независимо от того, как теоретически номинировать "пришельца", нельзя не признать, что он уже на пороге. И пора дискутировать не о его существовании, а о формах его исторической встречи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У.* На пути к другому модерну. М., 2000.
- Брудный А.А.* О публичной коммуникации // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- Вейер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2000.
- Землянова Л.М.* Постмодернизм в коммуникативистике // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1998. № 3.
- Иноземцев В.Л.* Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии? // Вопросы философии. 1998. № 9.
- Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М., 2000.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. М., 2000.
- Красильщиков В.А.* Выступление на круглом столе "Глобализация и демократизация". М., 1997.
- Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования. М., 1996.
- Силади А.* Медиатизация правительственной политики // Вопросы, вопросы... Правительство Венгерской республики. 1994-1995. Будапешт, 1995.
- Соловьев А.И.* Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2.
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- Эпштейн М.* Информационный взрыв и "травма постмодерна" // Книжное обозрение "Ex libris НГ". 1999. 4 февраля.
- Jessop B.* Governance failure. The New Politics of British Local Governance. London, 2000.